

84(2=411.2)6

К 4-48

Павел Черкашин

ГРОЗНЫЙ-2000

12+

ГРОЗНЫЙ

2000

0474271-

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
УДК
Ч-48

Ч-48 **Черкашин П. Р.**
ГРОЗНЫЙ-2000. – Роли :
Лулу, 2014. – 60 с., фото.

ISBN

© П. Р. Черкашин, тексты, фото, 2014

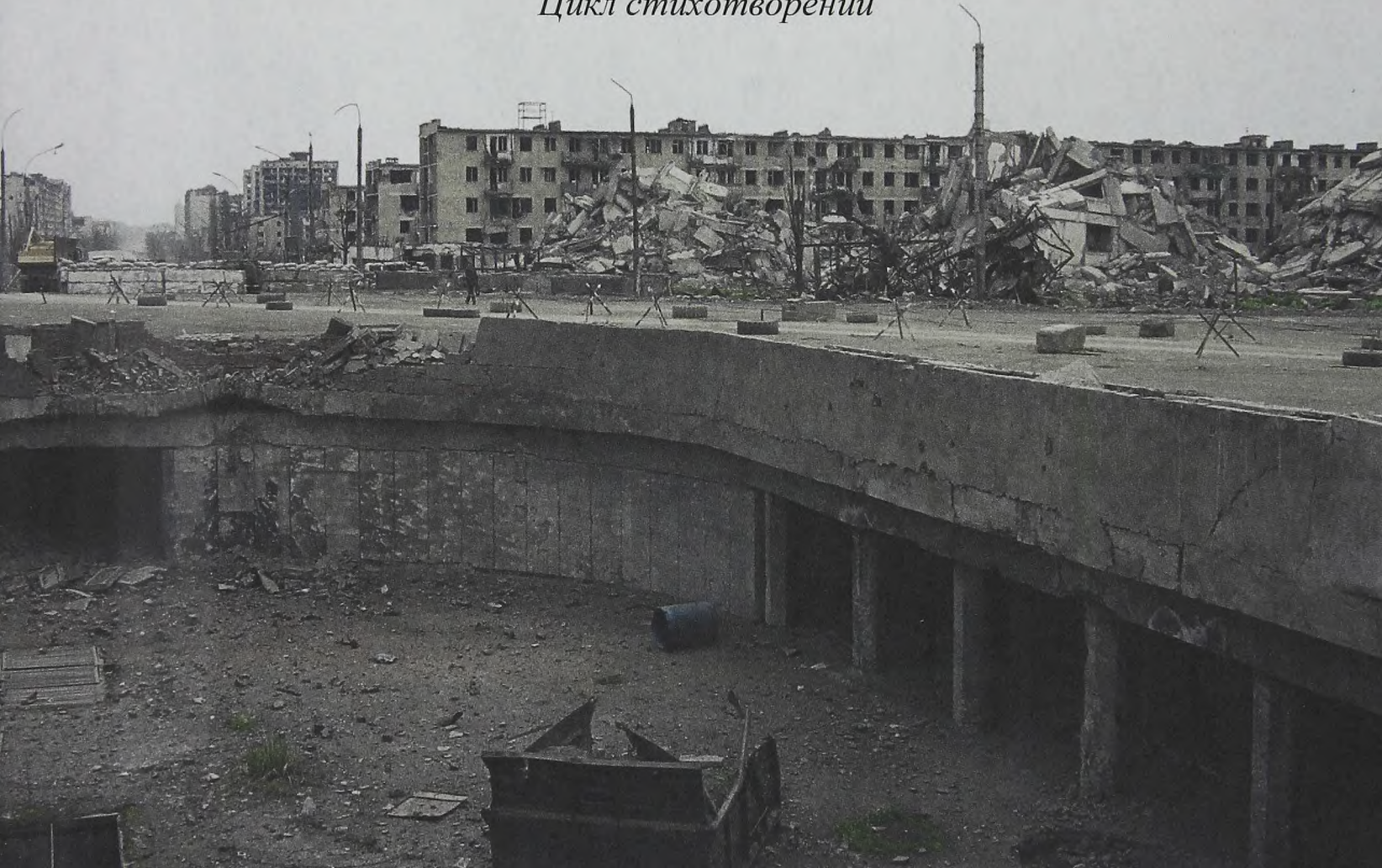
© «Лулу», печать, 2014

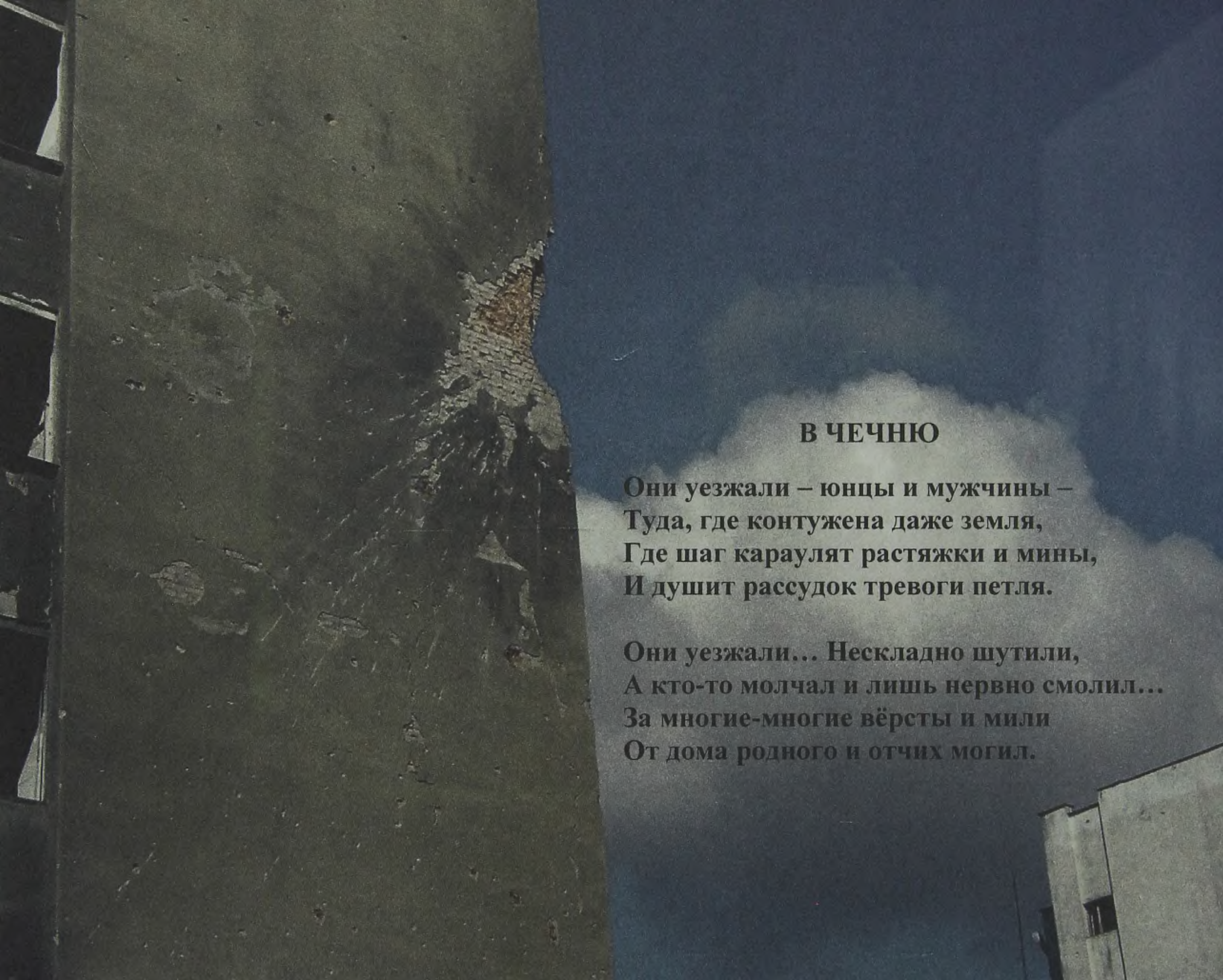
2

Под чужими звёздами Кавказа

Цикл стихотворений

В ЧЕЧНЮ

Они уезжали – юнцы и мужчины –
Туда, где контужена даже земля,
Где шаг караулят растяжки и мины,
И душит рассудок тревоги петля.

Они уезжали... Нескладно шутили,
А кто-то молчал и лишь нервно смолил...
За многие-многое вёрсты и мили
От дома родного и отчих могил.

* * *

Грозный в зареве пожарищ,
Он до мая «на замке».
У бойницы мой товарищ
Держит палец на крючке.

Мы опять глаза ломаем,
Хмуро вглядываясь в ночь,
И украдкой вспоминаем,
Я – про сына, он – про дочь.

Тихо в радиоэфире,
Лишь поддатый комендант
Тренирует в штаб-квартире
Командирский свой талант.

Снова выстрел одиночный
Мыслей бег моих прервал.
Да, коварен час полночный...
Только снайпер сплеховал –

Выше пуля пролетела,
В нашем доте без потерь.
Значит, брат, такое дело:
Долго будем жить теперь!

* * *

В Грозном полдень. Передышка.
Здесь война лишь по ночам.
Посиди со мной, братишка,
Отдых дай своим плечам.

На закате вновь к бойницам,
К первой – ты, я – ко второй.
Не сомкнуться бы ресницам.
А пока глаза прикрой,

Не гляди с тоской на горы,
Отрешись от передряг.
Пусть приобские просторы
Вспомнятся тебе, земляк.

Крики чаек над водою,
Самоходок зычный бас
И рассветы над тайгою.
К чёрту Северный Кавказ!

Он и так ночами снится,
Словно я не засыпал:
В небе трассеров зарница,
В чёрной дымке перевал...

А пока что передышка.
В Грозном полдень, как в Москве.
Помечтай со мной, братишка,
О родимой стороне.

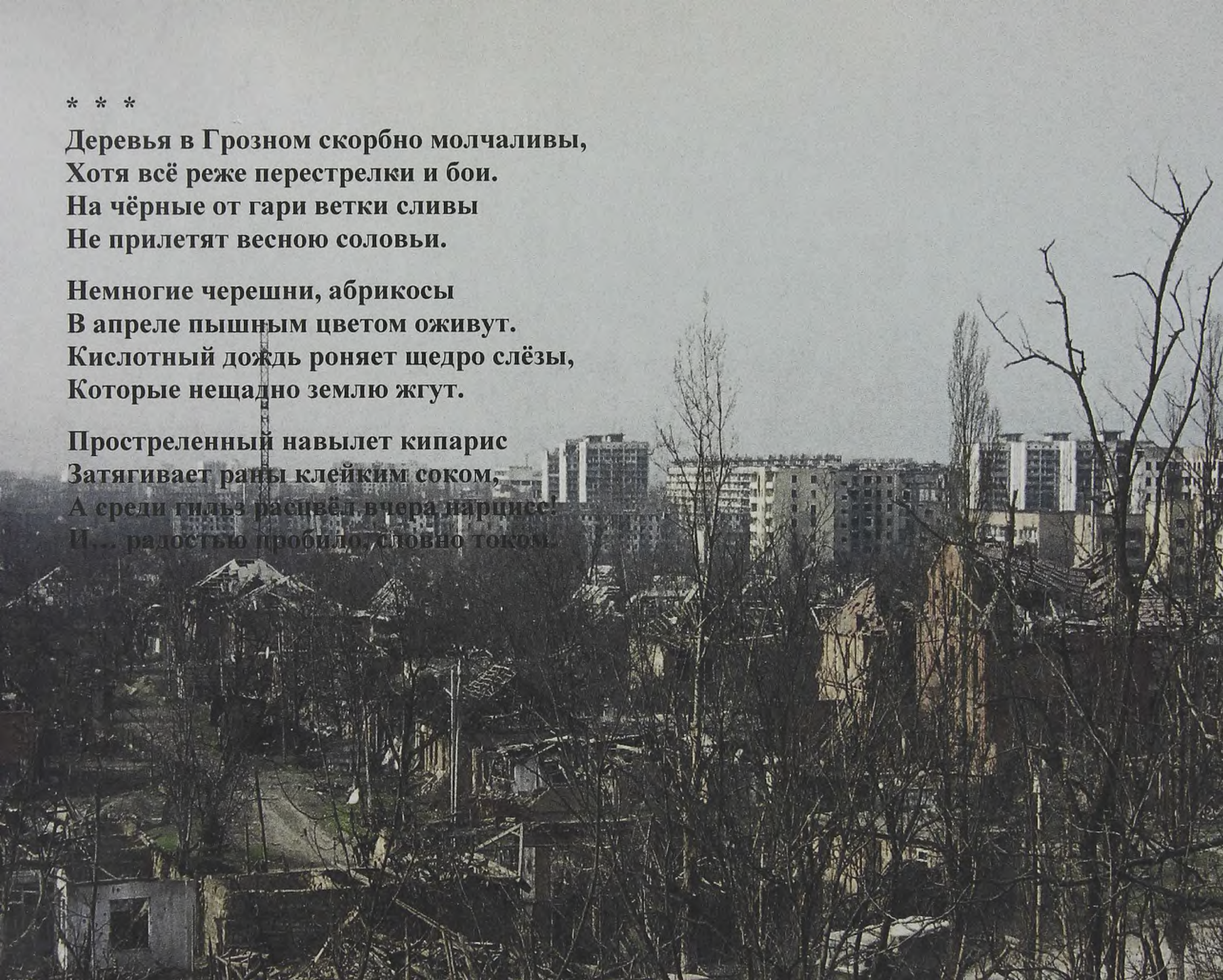

* * *

Деревья в Грозном скорбно молчаливы,
Хотя всё реже перестрелки и бои.
На чёрные от гари ветки сливы
Не прилетят весной соловьи.

Немногие черешни, абрикосы
В апреле пышным цветом оживут.
Кислотный дождь роняет щедро слёзы,
Которые нещадно землю жгут.

Простреленный навывлет кипарис
Затягивает раны клейким соком,
А среди тилъз расцвет вчѣра нарцисс!
И... радостью пробило, словно ток.

Дворовый пёс – такой же ветеран,
Коль две войны чеченских пережил.
На шкуре шрамы огнестрельных ран,
А в декабре Полкан контужен был.

Он и теперь на уши туговат,
Досталось – раньше срока одряхлел.
Но всё-таки дворняга страшно рад,
Что в этой бойне чудом уцелел.

* * *

Мама, здравствуй, ты писем от сына
Из Чечни слишком часто не жди.
За стеной, закоптелой от дыма,
Шелестят по руинам дожди,
Когда я для тебя эти строчки
За столом у свечи тороплю.
За корявые буквы и точки
Извини, я почти уже сплю.
Полчаса, как вернулся из дота,
Из промозглости здешних ночей.
Сном волшебным забыться охота,
А очнуться в краю кедрачей.
Чтоб тебя, и жену, и сынишку
Поскорее увидеть, обнять,
И от грозненской пыли одышку
Лишь в кошмарах ночных вспоминать.
Срок придёт... И домой эшелонем
Из Моздока к Югорской земле
Я вернусь, к переулкам знакомым,
К берегам Иртыша и к тебе.

* * *

Минувшей ночью снова был обстрел...
«Двухсотых» нет, за это выпьем чарку.
Не дремлет первый временный отдел,
Югорские ребята держат марку.

А впрочем, расслабляться недосуг:
Тревожны дни, ещё тревожной ночи.
В висках от напряжения крови стук,
И ближний взрыв бессонницу пророчит.

Глядит луна в провалы этажей,
Над Сунжею крадётся, как воровка.
Слышна лишь переключка рубежей:
«Заря», на нашем в норме обстановка».

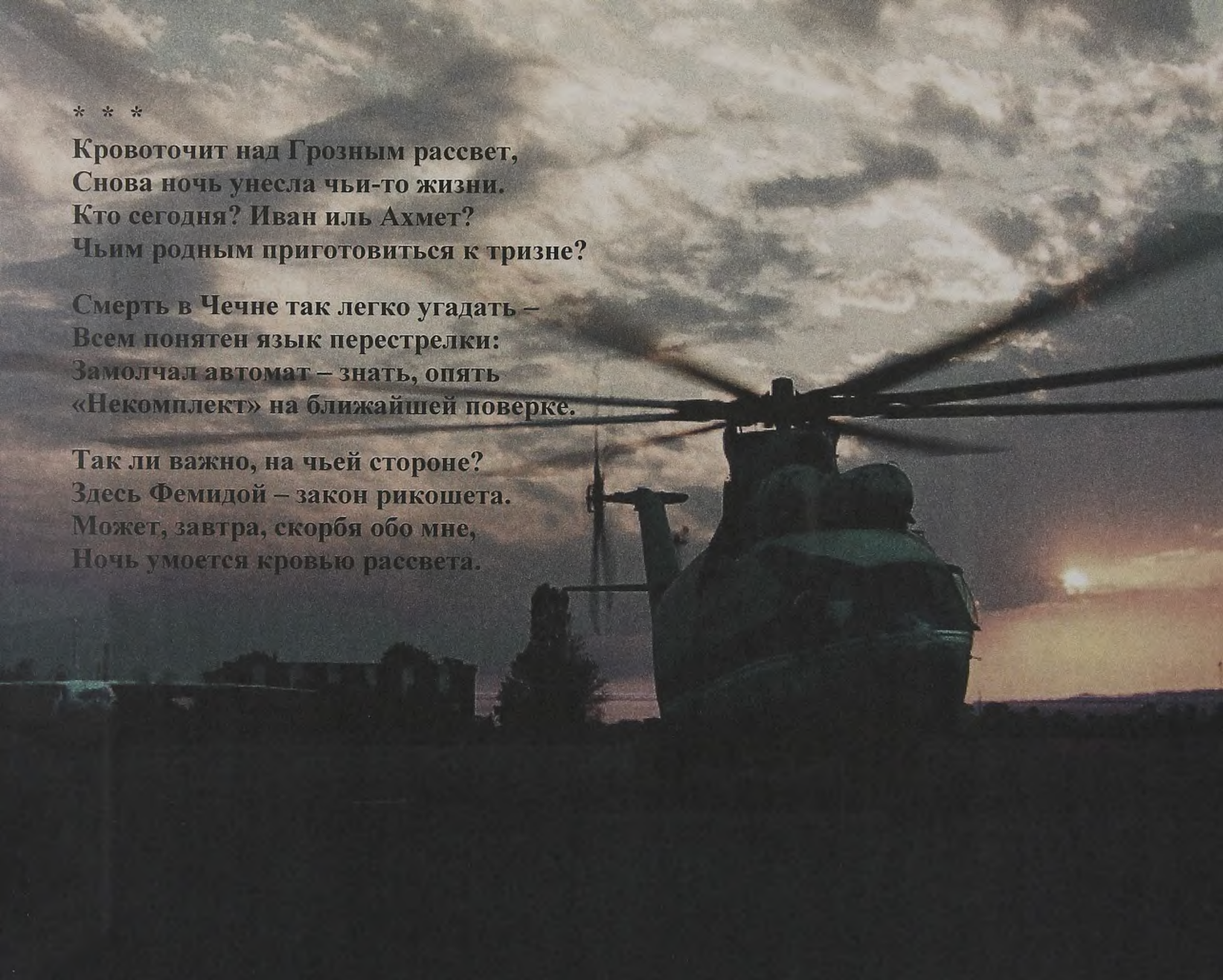

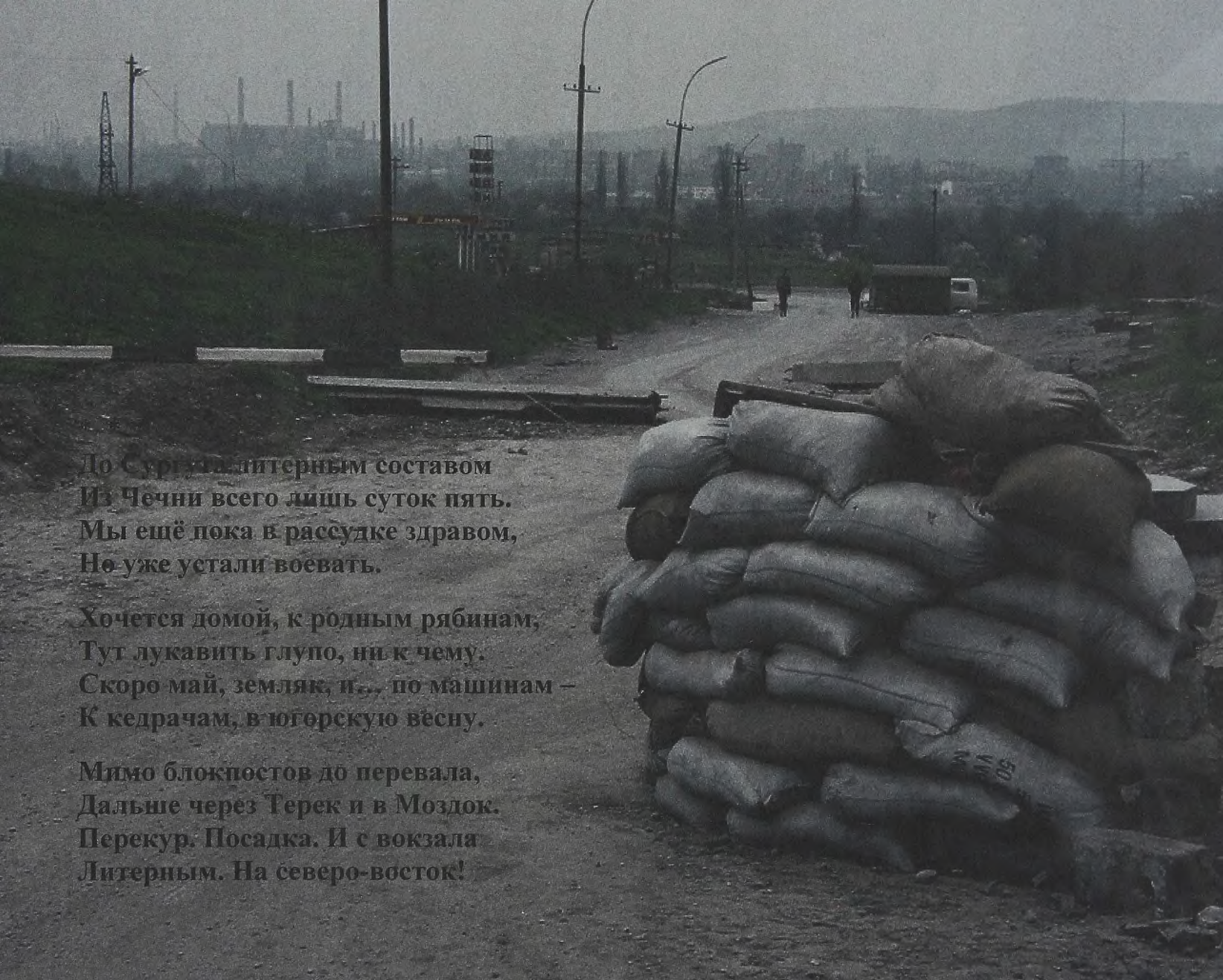
* * *

Кровоточит над Грозным рассвет,
Снова ночь унесла чьи-то жизни.
Кто сегодня? Иван или Ахмет?
Чьим родным приготовиться к тризне?

Смерть в Чечне так легко угадать –
Всем понятен язык перестрелки:
Замолчал автомат – знать, опять
«Некомплект» на ближайшей поверке.

Так ли важно, на чьей стороне?
Здесь Фемидой – закон рикошета.
Может, завтра, скорбя обо мне,
Ночь умоется кровью рассвета.

До Сургуля Литерным составом
Из Чечни всего лишь суток пять.
Мы ещё пока в рассудке здоровом,
Но уже устали воевать.

Хочется домой, к родным рябинам,
Тут лукавить глупо, ни к чему.
Скоро май, земляк, и... по машинам —
К кедрачам, в югорскую весну.

Мимо блокпостов до перевала,
Дальше через Терек и в Моздок.
Перекур. Посадка. И с вокзала
Литерным. На северо-восток!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАРКАСЫ
095-483-24-00, 483-52-01

МИРУ-МИР

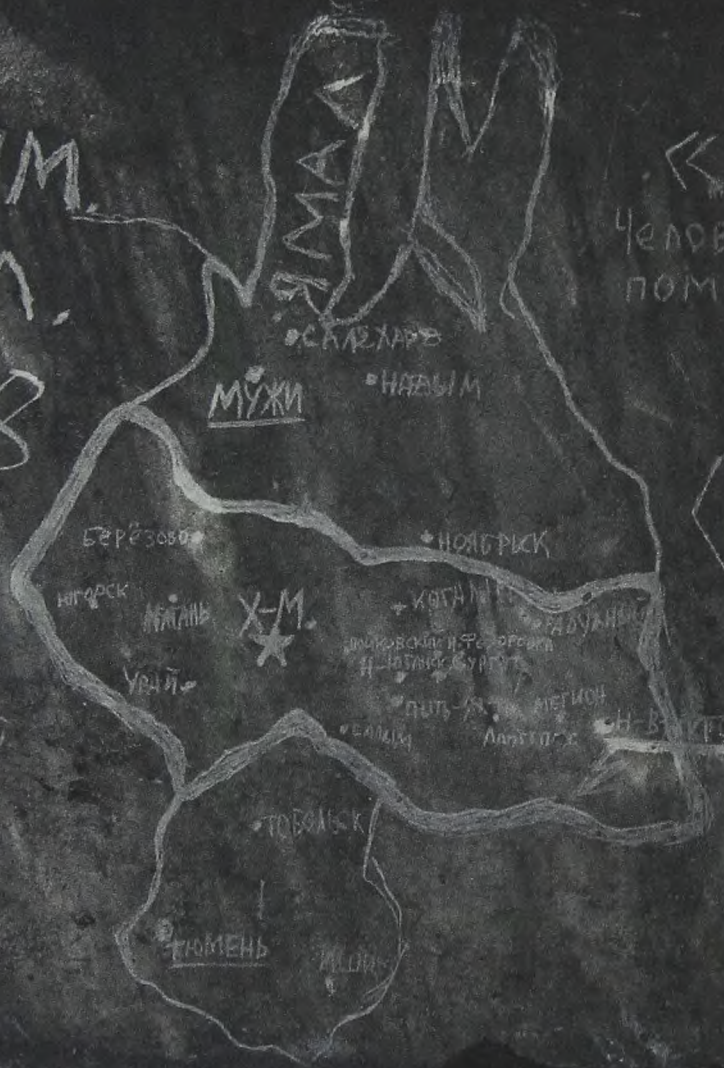
Государственная
библиотека
Югры

КО

— 0174 2 11 —

ТНДМ
ОБЛ.

7x8

* * *

На чужбине только две отряды:

Баня да из дома письмецо.

Даже «премиальным» так не рады,

А письмо – тут радость налицо!

«Здравствуй, милый!

Как ты в этом Грозном?..»

И глаза предательски блестят. –

Ждёшь меня! И значит, невозможно

Умереть – пополнить павших ряд.

Вы пишете, милые, почаще,

Не грустите, что ответа долго нет.

Верьте, нет желаннее и слаще

Ничего нам, чем ваш ласковый привет!

* * *

По развалинам месяц щербатый скребётся,
Тусклым когтем царапает уголь стропил,
Я сегодня в отгуле, так что мне неймётся,
Что не спится, ведь полночи час наступил.

Тихо вышел под звёзды, хоть зябко и сыро,
На созвездья чужие смотрю я с тоской.
Горный ветер Чечни дует властно и стыло,
Да урчит заунывно в траве козодой.

Долго выстрелов нет... Оттого и бессонно
Пью глазами разлитый в ночи Млечный Путь.
Лишь ракеты, одна за другой, монотонно
Режут траур войны... Не уснуть. Не уснуть.

* * *

Стальное горло автомата
От жгучих пуль раскалено.
Щелчок запала, и граната
Летит в разбитое окно,
Откуда выстрелы бандиты
Ведут по нашим рубежам.
Затихли, вроде, ваххабиты,
Знать, получили по ушам.
На час укроются в подвалах,
Чтоб совершить святой намаз,
И вновь стрельба в ночных кварталах,
В который раз, в который раз...

* * *

Он был бойцом шестого дота,
Когда его в сырую ночь
Накрыл разрыв из миномёта.
Душа бойца взметнулась прочь.
Погиб. Прервалась жизни повесть.
Убит – смертельных ран не счесть.
Но сохранил, как знамя, совесть
И незапятнанную честь.

* * *

Бой окончен. Глотни тишины!
Ты её заслужил, мой братишка.
Это тоже награда войны.
К сожалению, редкая слишком.

Но пока перемирия власть –
Пей до дна каждый миг передышки,
Чтобы вновь к автомату припасть
По сигналу взметнувшейся вспышки.

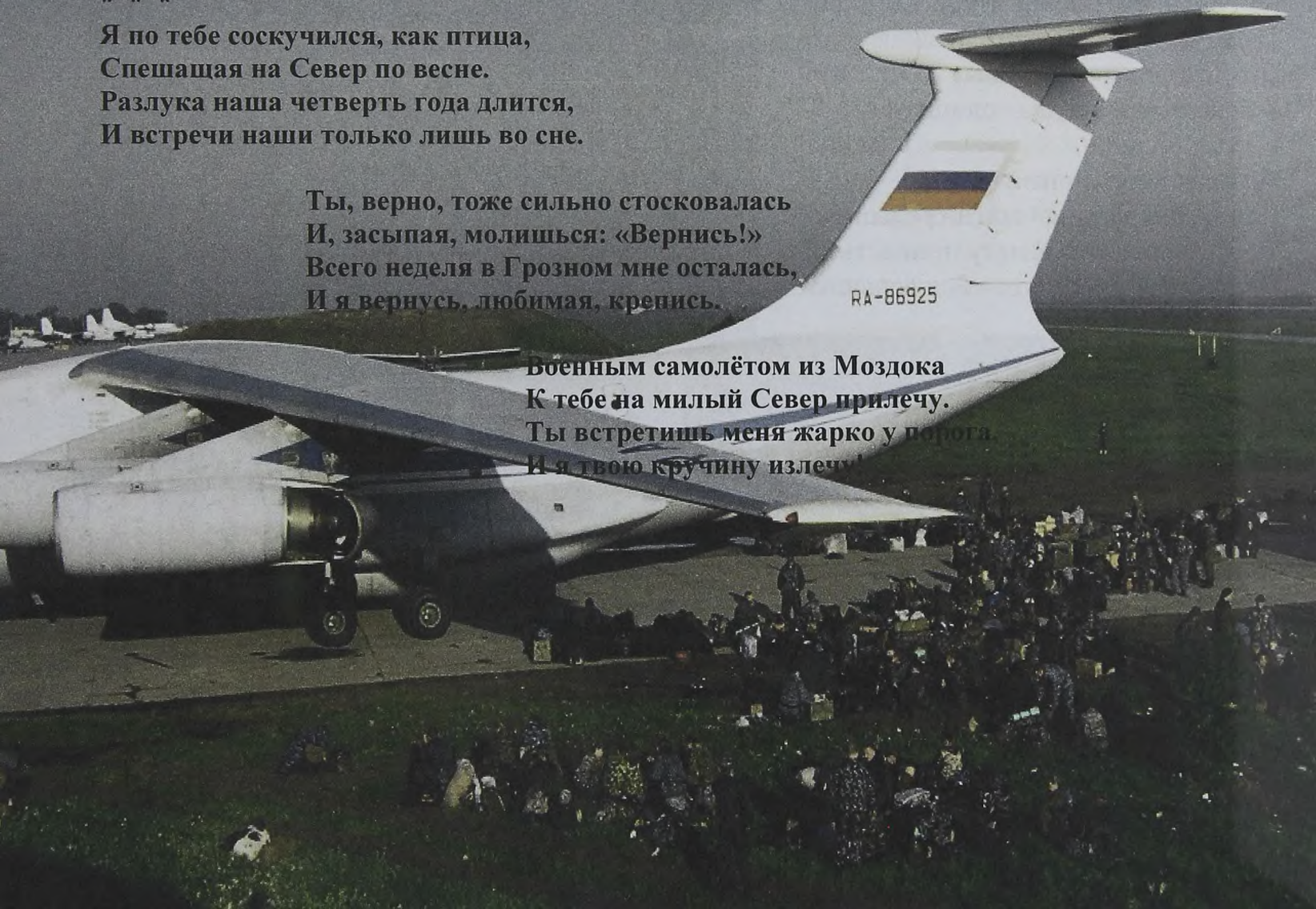
жене Светлане

* * *

Я по тебе соскучился, как птица,
Спешащая на Север по весне.
Разлука наша четверть года длится,
И встречи наши только лишь во сне.

Ты, верно, тоже сильно стосковалась
И, засыпая, молишься: «Вернись!»
Всего неделя в Грозном мне осталась,
И я вернусь, любимая, крепись.

Военным самолётом из Моздока
К тебе на милый Север прилечу.
Ты встретишь меня жарко у порога,
И я твою кручину излечу!

* * *

До глины содрана войной
Дорог асфальтовая кожа,
Исходит смехом надо мной
Луны ущербной злая рожа.
Слегка фантазии – и вот
Уже мерещится Хаттабом...
Промозглый ветер вдоль дорог
Опять сочится трупным смрадом,
Крадётся вслед голодный кот,
Минуя адские растяжки.
Я – на посту, но видит Бог –
Не отказался бы от фляжки,
Чтоб жгучим спиртом отрезвить
Войной отравленную душу,
И русским матом окрестить
Чеченских гор гнилую стужу.

A photograph of a trench or dugout. On the left side, there is a wall made of sandbags, some of which are covered with a ghillie suit made of dry leaves and twigs. The ground in the trench is dark and uneven. In the background, there are more sandbags and some debris. The overall atmosphere is somber and military.

* * *

Созвездий свет в дыму зачах,
Темно и сыро в тесном доте.
Как первобытный смерти страх,
Чеченский мрак тяжёл и плотен.
«Калаш» покоится в руках, –
Нацелен в шорох подворотен,
Ему неведом звон в ушах,
И сердца стук ему не сроднен..

* * *

Глоткой лужёной
Взорвана хрупкая тишь. —
Хохочет война.

* * *

**В рваные дырки
От пуль на телах солдат
На мир смотрит смерть.**

* * *

Гудит перестрелки ночной тетива,
Мчит пуль смертоносная свита,
Айвовая ветвь, что вчера расцвела,
Бездушным осколком убита.

Дай Бог поутру досчитаться друзей,
Чтоб все были здоровы и живы,
Чтоб ворох погибших айвовых ветвей
Мне класть не пришлось на могилы.

* * *

Деревянная старушка
Грустно смотрит на закат.
Здравствуй, милая избушка,
Воротился твой солдат!

Дворик, низкое крылечко,
Домовитый дух сений...
Спелым жаром встретит печка,
Столь родимым с давних дней.

В уголке лампада светит,
Богородица и Спас
По-родительски приветят –
И возрадуюсь тотчас!

По широким половицам
Я к божнице подойду –
За Отчизну помолиться
И за русскую избу.

сыну Фёдору

* * *

Под чужими звёздами Кавказа,
На чеченской огненной земле –
Далеко не воину спецназа –
Побывать, сынок, пришлось и мне.

Много раз бывал я под обстрелом,
Но молитва мамы сберегла,
Даже рикошетом не задело.
Рисковал, но смерть не обожгла.

Да, я видел смерть, и видел слёзы,
И по дому часто тосковал.
Снились мне сибирские берёзы
И угрюмый Мужевский Урал.

Как бы я желал, чтоб ты, сыночек,
В жизни никогда не воевал.
Я не избежал «горячих точек»,
Но хочу, чтоб ты их избежал!

* * *

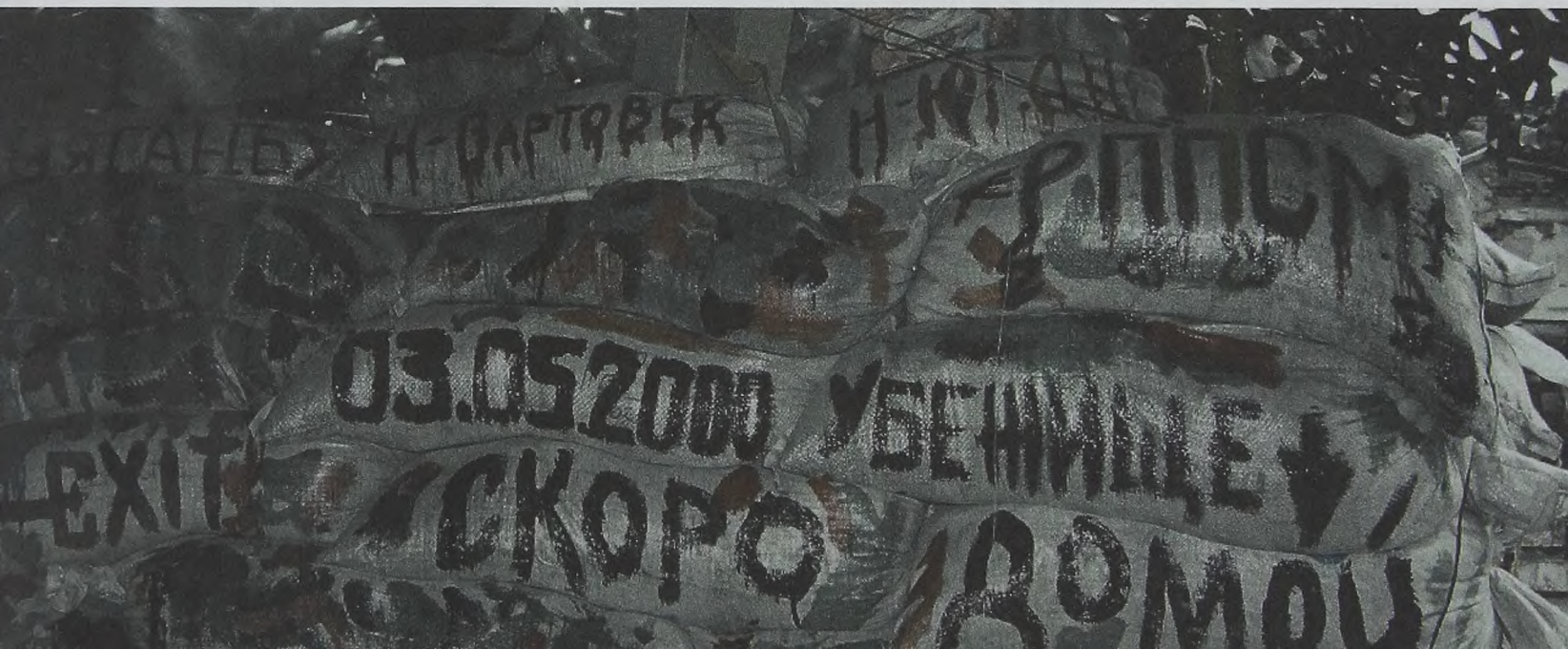
На правом бицепсе армейская наколка:
Три буквы – ВДВ, раскрытый парашют,
А ниже рваная отметина осколка,
Рубец, как будто надпись: «Смерть касалась тут».
Ему под сорок пять. Обеих войн чеченских
Свидетель, прокурор и строгий судия.
Взгляни в его глаза – там боль скорбей вселенских,
Там в месиве боёв погибшие друзья.

* * *

Немало лет прошло... Забуду ли? – Едва ли,
Как от усталости мы чуть не засыпали,
Как под обстрелом в полный голос матерились,
А после шёпотом Всевышнему молились,
Что Он простил в тот час солдатам эту слабость
И не доставил ваххабитам злую радость
Нас одолеть в бою, в трофей отрезать уши.
Для покаяния сберёг Он наши души.

Грозный, Тюмень, Ханты-Мансийск (2000 – 2014 гг.)

Г. Грозный

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Автобиографическое эссе

Григорий

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

Сергей Есенин.

О память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной.

Константин Батюшков.

Григорич, как позволял подчинённым без малейшего намёка на панибратство называть себя начальник штаба временного отдела Михаил Андреев, подошёл как-то после ужина ко мне и, будто что-то вспоминая, натужно-глуховатым, но высоким голосом спросил:

– Ты у меня сколько дней в отгуле не был?

Я изумился и прежде, чем ответить, даже успел подумать: «Здорово же, наверное, сегодня Григорич набегался по службе, если такой вопрос вычудил».

– Четыре недели и два дня. Итого – месяц.

– То есть как? – опешил начальник штаба. – Постой-постой, мы ведь как раз месяц как в Чечню заехали. Так-нет?

– Так.

– И что?

– Вот, с самого начала командировки в отгулах и не был, – внутренне радуясь удачному розыгрышу, ответил я.

Григорич пристально посмотрел мне в глаза, пытаясь засечь обман или подвох, но тут же сообразив, что я ничуть не кривлю душой, широко усмехнулся в густые рыжие усы, протяжно хмыкнул и с теплотой в голосе прогнусавил:

– А ведь точно, дружище. Как же я тебя из виду-то упустил?..

Я молча пожал плечами, а сердце вдруг забилося чаще от неожиданных, искренне, потцовски, заботливых слов Григорьяча. Капитан тем временем дружески положил мне ладонь на плечо и, деловито размышляя, продолжил:

– Тогда, значит, так: завтра с девяти утра сутки можешь отдыхать... Как же я тебя из виду-то упустил? – после паузы с рассеянным видом снова повторил он и, словно очнувшись от внутренних мыслей, уже уверенно закончил:

– Как-то я всё машинально тебя в графики дежурств проставлял. Сегодня вот тоже два определил: с двадцати одного до часу и с пяти до девяти.

– Знаю. Видел.

– Знаешь! А что молчал-то всё это время? – с притворным недовольством вскинулся он. – Все уже по два раза в суточных отгулах были!

Ладно, на вечернее дежурство я тебя кем-нибудь заменю, а утреннее всё-таки надо будет отдежурить. Ну, бывай! Да почаще глаза мозоль, боец, – уже смеясь, торопливо проговорил Григорьяч, направляясь в дежурную часть, – а то вдруг опять забуду отгул дать!

Вечером я сидел в сумрачном кубрике, топил «буржуйку» и с добродушной усмешкой вспоминал последние слова начальника штаба. Легко сказать: «отдыхай». И рад бы заснуть, да где там. За минувший месяц организм настолько привык к жёсткому графику боевых дежурств, что попробуй-ка переломи его по-новому устоявшийся режим, даже во благо ему. Нетушки! Только будешь без толку ворочаться на нарах, да, как совёнок, таращить хронически воспалённые нервным недосыпом глаза в облупленный потолок, слушая ночную перестрелку.

Нет. Лучше уж так – сидеть при скудном свете вздрагивающего от сырого сквозняка лепестка свечи, придвинувшись почти вплотную к жаркой «буржуйке», цедить из оббитой кружки сквозь зубы крепкий сладкий и, как на охоте, слегка припахивающий дымком чай и вспоминать мирную жизнь, далёкую милую родину.

Как всё-таки безмерно обостряются чувства человека к родным краям в условиях каждодневных боёв! Нигде я ещё не вспоминал с такой желанной тоской, с таким сладостным щемлением в сердце любимые места, как на войне. Сколько раз ловил себя на том, что с зудящим, физически ощущаемым нетерпением жадно жду любого более-менее свободного часа, минуты, чтобы где-нибудь, совершенно неважно где, – в доте у бойницы в период тревожного ночного затишья, в послеобеденное время короткого перекура, в малый промежуток между сном и усталой мимолётной дремой после очередной боевой смены, когда лишь одиночные выстрелы да сухие хлопки сигнальных и осветительных ракет нарушают нервную тишину разрушенного опального города – можно будет молниеносно унести мыслями к незабвенным местам материнской приобской земли. Земли, на которой родился и вырос, которая не только наяву, но и вот так, в воображении, радушно примет как самого дорогого и искренне желанного. И можно будет без всякой робости, на правах сына пройти воспоминаниями по любим

заветным уголкам, что с трепетом и святостью бережёт память, именуя одним простым словом: родное.

Доходило до того, что из-за постоянного недостатка свободного времени приходилось заранее «планировать», «заказывать» в уме, куда при ближайшей возможности устремить бег воспоминаний.

Выглядело это примерно так: «Завтра дежурство в доте днём. То есть четыре часа относительно спокойного времени. Без стрельбы, без напряжённого ожидания боевой тревоги. Значит, можно неторопливо «прогуляться» по Тильтимской дороге до Харьегана, а то и до Кузьёля. А сегодня перед сном малость «поброжу» в окрестностях Бурудана, поем лесной жимолости».

От такого мечтательного «планирования», мысленного ожидания уже загодя приятно щекотало в груди, и как будто в бездонную пропасть радостно ухало сердце, напрочь забыв обо всех невзгодах и неизбывных трудностях военной жизни.

Так и сейчас, неподвижно сидя возле раскалённой стальной печурки, без труда перенёсся мыслями в родное приполярное село Мужи.

Вот я в походной одежде, с небольшим рюкзаком за плечами вышел из дома, стремительно спустился с высокого, в двенадцать ступеней, крутого крыльца и направился налево через узкий двор вдоль нашего трёхподъездного дома. В два шага перемахнул через деревянный короб теплотрассы, наискосок пересёк гулкую лежнёвку и споро пошёл по дощатому, местами вконец расхристанному, белёсо-серому узкому тротуару в сторону звероводческой фермы.

Навстречу проглядывает между домами лесистый косогор гряды Мужевский Урал – это последние невысокие отроги каменного Полярного Урала. Он дрёмно, невозмутимо взирает из-под хвойных век на сутулые покатые холмы, на которых вдоль илистого берега

нетесно расстроились Мужы, и на всё низменное обширное междуречье Малой и Большой Оби с его многочисленными озёрами, хитро петляющими протоками, сорами и сухими ягодными пугорами.

Далеко-далеко цепляет пристальный взгляд пойменные просторы с плоскими тальниковыми островами. А если даст погода подарок – безветрие да кристально чистый, без марева, воздух, и если по неожиданному оптическому капризу природы вдруг продавится земля, и выгнется, поднимется восточная сторона горизонта, то увидишь воочию, на удивление рядом, коренной правый берег Большой Оби. И не только крохотная хантыйская деревушка Анжигорт предстанет, как на ладони, но и крепкое большое село Горки, что в шестидесяти километрах от мужевского берега.

Самому не довелось увидеть, но старожилы хорошо помнят и рассказывают, мол, однажды в конце августа горизонт с севера настолько прогибался, что видны были не только Шурышкары и пойма Соби, но и даже Салехард можно было ясно разглядеть. А на северо – северо-западе, обманчиво близко, прямо-таки за Ханты-Мужами, выдавился в небо из-за ближнего косогора сам Полярный Урал, и забелела в глубокой синеве величественная снежная шапка Пайера...

Все эти картины настолько красочно и подробно предстают перед внутренним взором, что в какое-то мгновение невольно забываюсь до такой степени, что, очнувшись от грёз из-за громко треснувшего в «буржуйке» полена, не сразу осознаю, что я – за пять тысяч вёрст от Приполярного Зауралья, простирающегося на границе Югры и Ямала между шестьдесят четвёртой и шестьдесят шестой параллелями северной широты. И что за хлипкими, криво растрескавшимися после недавних частых бомбёжек стенами сырого кубрика – совершенно другие горы и абсолютно чужой для сердца пейзаж. Поэтому возбуждённое памятью сознание само по себе, без натуги старается побыстрее нырнуть из

безрадостной действительности обратно в пучину желанных воспоминаний...

Заканчиваются последние дома, и я неторопливо иду вдоль забора южной части мужевского погоста. Могилы отца и крестной матери Анны отсюда не видать, они в противоположной стороне кладбища. Об этом успеваю вспомнить лишь мельком, увлекаемый течением мыслей всё дальше и дальше.

За последними могильными крестами начинается умеренно крутой спуск к Югану – небольшому таёжному притоку Малой Оби, извилисто огибающему Мужу с запада и севера. Спуск к сырой пойме Югана чем ближе к воде, тем больше изуродован глубокими рытвинами с застоявшейся мутно-рыжей водой. Летом верхний слой вечной мерзлоты успевает на полметра оттаять, глинистая почва набухает, раскисает от влаги, и имеющие обыкновение пастись здесь сельские коровы и лошади без труда продавливают копытами тонкий дёрн, погружаясь в топкую неверную твердь чуть не по колено.

Спускаться по таким колдобинам – приятно мало, по неосторожности ничего не стоит и ногу подвернуть. Но это в действительности, а в мыслях все эти кочки и ямины значения не имеют. В мыслях легко быть невесомым.

Вот я уже перебрёл по каменистому мелководью Юган, ещё раз оглянулся на село и знакомой тропой углубился в тайгу в сторону раскорчёвки.

По времени года представился август. Благодатная в большинстве случаев пора для отчего края, если не надвинутся, не перевалят из-за уральских хребтов затяжные ленивые циклоны со своим пасмурным характером и продолжительными, хотя и не слишком холодными ещё дождями. Но всё-таки чаще это удел сентября. А в августе погода по возможности старается баловать последней благодатью мужевский околоток.

Только-только закончились белые ночи полярных широт. В ночь с четвёртого на пятое августа в белёсом сумраке неба, почти в зените, неуверенно, словно с опаской, но,

тем не менее, проклюнулась слабым, трепещущим лучиком первая звезда. Это Вега из созвездия Лиры. Пройдёт дней десять, и в меркнушем небе появятся новые мерцающие вехи-ориентиры: Арктур, Капелла, Альдебаран, Денеб, Алголь. Полярная звезда обозначится на небосводе чуть позже. Она хоть и считается по праву основополагающей звездой в северном полушарии, но всё-таки много слабее своих более ярких космических подруг и не в силах сразу победить слабеющую летнюю власть земного светила в высоких широтах.

Чем ещё замечателен август в Приполярье? Многим. Уже нет изнуряющих полчищ гнуса, ощутимо меньше надоедливых комаров. Солнце, хоть и стало день ото дня всё больше скатываться к южной стороне горизонта, но ещё ласкает землю последним теплом, ещё довольно быстро и уверенно разгоняет воровато стелющиеся по утрам вдоль берегов Оби и проток рваные клубы тумана. В тайге наливаются соком осенние ягоды, вздыбливают бугром и властно разламывают мох тугие шляпки молодых грибов, созревают под смолистой чешуёй шишек вкусные кедровые орехи.

Все эти наблюдения из прошлого исподволь всплывают в памяти, пока неспешно поднимаюсь по склону на вершину первого холма к раскорчёвке. Сейчас она уже не может в полной мере оправдать название. В былое время облысевшая после вырубki леса ровная вершина невысокого увала теперь во многих местах заново оделась берёзовым и осиновым молодняком, а кое-где свежо зеленеют маленькие островки кедрача в половину человеческого роста.

Мысли послушны обрётённым в минувшие года впечатлениям и обычаям, поэтому даже в плену воспоминаний по сложившейся традиции, хотя и не устал, делаю здесь первый короткий привал.

Стройный осинничек звонко, шумно аплодирует моему появлению. Его чуткие к дыханию ветра листья-ладошки уже блёкло-зелены. Совсем скоро остывающая земля замедлит ток живительного сока от корней к листве, и кроны до неузнаваемости преобразятся, яро заогневеют на фоне неизменной малахитовой густоты кедрача и ельника.

До чего же хорошо присесть возле ветвистого куста карликовой берёзы, а ещё лучше расслабленно повалиться спиной на пёстрый моховой ковёр и, запрокинув голову, через полусмеженные от солнечного света веки скользить умиротворённым взглядом по низким неторопливым облакам, попутно воображая в причудливых очертаниях небывалых существ, и навсегда провожать их за близкий, отороченный неровными зубцами тайги окоём.

Почему-то именно здесь чаще всего с незлой досадой вспоминаю Сергея Есенина. Каждый раз переполняет сожаление, что этот замечательный, горячо любимый поэт родился не на мужевской земле. Для меня он навсегда останется непревзойдённым певцом родного края. Всё мечталось, вот если бы ему довелось быть моим земляком! Как искренне, точно и сочно был бы воспет морошковый край! Невольно охватывает смущение за свои куда более скромные литературные способности. Он-то не видел никогда всех здешних красот, а я не только родился, но и вырос на этой богатой, разноликой земле, кому как не мне поделиться с людьми гордостью за суровую родину и переполняющей сердце любовью к ней. А всё боюсь, что не сумею, не найду верных слов.

Как всё-таки здорово, непритворно и легко, без малейшей вымученности, ещё в начале прошлого века Есенин восторженно выдохнул о рязанщине: «Гой ты, Русь моя родная...». Возможно, в день, когда появились эти проникновенные строки, поэт был далеко от Константиново, но так же, как я сейчас, ожившей памятью сердца, всей сутью

находился там, где-нибудь в просторах приокских лугов, прислонившись плечом к любимой берёзе-шептунье.

Первый раз я услышал и запомнил на всю жизнь эти есенинские строки от мамы.

Шёл 1982 год. Вторая половина марта. Месяц солнечной зимы. У народа ханты он именуется образом-приметой: «Месяц появления наста». У нас в низовьях Оби, на «опушке» Северного полярного круга, пора весеннего равноденствия обычно мало отличается от календарной зимы. Ещё продолжают уверенные морозы, случаются снегопады, а то и, глядишь, запуржит дня на два.

Но всё-таки есть одна неоспоримая примета весны: восход за восходом всё более длинные световые дни. А если выдастся ясный с отчаянной синевою небес день, то ослепительно белые, ещё и не помышляющие таять сугробы беспощадно, до рези, бьют по глазам отражёнными лучами набирающего силы светила.

Вот в такой погожий день, в выходной, мама впервые отважилась взять меня в далёкую пешую прогулку по Тильтимской дороге. Мне было уже девять лет. Год назад подобное путешествие по тайге при всём желании не могло состояться. В январе 1981 года мама родила младшего брата Юру, и всё её время уходило на обычные материнские хлопоты.

Теперь брату уже шёл второй год. Мама со спокойным сердцем оставила Юру на попечение тёти Нюры и дяди Андрея Чупровых, моих крёстных, и вскоре мы были на околице села.

До кораля, конечной цели нашего путешествия, от Мужей километров пять или шесть, смотря откуда начинать отсчёт. Всего-то час пути для взрослого человека, но мы с удовольствием растянули дорогу в один конец на два с половиной часа.

Торопиться было некуда, да и ни к чему. Мы шли, часто останавливаясь, то разглядывая и угадывая на снегу следы лесной живности, то удивляясь замысловатым снежным нахлобучкам на верхушках молодых елей, то подолгу любясь живописными видами тайги, открывающимися за каждым новым поворотом неуклонно поднимающейся вверх дороги.

Почти на подходе к коралю мама случайно обернулась назад и мгновенно остановилась. Я семенил сзади и от неожиданности ткнулся головой ей в живот.

– Посмотри-ка! – заворожённо-восхищённым шёпотом проговорила она, кивнув туда, куда устремила пристальный взгляд.

Я оглянулся и тоже оцепенело замер, приоткрыв от изумления рот.

Мы стояли на вершине высокого увала. (Позднее узнал, что укрытые тайгой отроги Мужевского Урала в самой высокой точке не дотягивают до трёхсотметровой отметки над уровнем моря лишь каких-то одиннадцать метров.) Оснеженное междуречье Малой и Большой Оби вогнутой лепёшкой расползлось от кромки леса до непривычного, невероятно далёкого горизонта, убежавшего на добрые полсотни вёрст.

В следующее мгновение увидел Мужа и на секунду испугался: так далеки и крохотны были они! Но почти сразу короткий испуг сменился радостным удивлением при виде махоньких чуть ли не игрушечных домишек: «Надо же, как мы далеко и высоко забрались!»

И вот тогда, среди торжественного безмолвия, когда у меня то и дело от избытка чувств перехватывало дыхание при увиденном впервые ошеломляющем и воистину величественном зрелище, за спиной тихо, но ясно зазвучал голос мамы:

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...
Не видать конца и края –
Только синь сосёт глаза.

Слова слетали с её губ неторопливо, напевно. Мой взгляд был очарован бескрайними заречными далями, и я слушал маму, не оборачиваясь, но с жадностью впитывая сознанием каждое слово стихотворения, казавшегося чудесной волшебной клятвой в любви к родной земле. В том, что это клятва, я уже несколько не сомневался, когда мама более торжественно, как заклинание, закончила:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

– Это Сергей Есенин написал, – сказала она с благоговением после некоторого молчания.

Возвращаясь назад, мама ещё не раз повторяла вслух это стихотворение, чтобы я лучше запомнил его, и мы с каким-то особенным наслаждением, восторгом неожиданного открытия снова и снова ласкали слух двумя последними строчками первого четверостишия.

Этот эпизод из детства припомнился попутно, и я вновь мысленно перенёсся обратно на раскорчёвку. Короткий привал позади. Напоследок переворачиваюсь со спи-

ны на грудь, приникаю подбородком к податливому прохладному бархату кукушкиного льна и с наслаждением глубоко вдыхаю влажный травянисто-пряный запах. На расстоянии вытянутой руки замечаю одинокий игольчато-пушистый стебелёк водяники с тремя налитыми тёмными ягодами, тянусь к нему и осторожно срываю нежные сочные бусины. Раздавлив их о нёбо, с удовольствием ощущаю, как растекается по языку хорошо утоляющий жажду, лишь чуть-чуть сладковатый сок.

Только после этого поднимаюсь и уверенно иду дальше.

Вскоре тропа, повиляв по вершине холма, начинает незаметно убегать вниз, в ложбину, и вот почти теряется в сыром, безлесном, густо заросшем лишь карликовой берёзой распадке. По многим приметам чувствуется близость таёжного сойма, именуемого Первым Ручьём, который, замысловато виляя между увалами, впадает в Юган как раз напротив сельского кладбища.

Под ногами начинает звучно с причмокиванием чавкать густая почти чифирного цвета жижа. Это от торфа. По всей видимости, в стародавние времена на месте нынешнего распадка было болотце. Потом оно поднялось, захирело, а вековые слои сфагнома перегнили, переродились в торф. Но, наверное, бьётся ещё где-то в глубине слабая жилка одинокого ключа-живуна, которая и не позволяет пока зреющему торфянику обрести большую прочность. Видать, не время ещё. Потому-то и приходится идти торопливым шагом, а замешкаешься, то и из сапога запросто выскочишь.

Минут десять спорой ходьбы, и под ногами перестаёт хлюпать. Вновь обозначается твёрдая тропинка и вдруг обрывается. Вернее, здесь её «устье». Проводив путника через первые ближние к Мужам увалы, она «вливается» в «левобережье» Тильтимской дороги метров на сто двадцать выше Первого Ручья...

AB (IV) Rh+

Человеческое достоинство
помогите ему

ПОМОГИТЕ
ТЕБЯ И
ДРУГОГО

Ближний разрыв осколочного выстрела гранатомёта безжалостным толчком швырнул меня через тысячи километров, заставил вздрогнуть и невольно открыть глаза.

Чечня. Почти полночь. Я обвёл тревожным взглядом полутёмный кубрик. Укреплённая в пустой консервной банке свеча на две трети расплавилась, пламя на сквозняке судорожно трепетало, металось из стороны в сторону и, чадя, сердито потрескивало. Снаружи, со стороны площади Минутка, слышалась длинная автоматная очередь. И сразу вслед за ней взахлёб застрочили ещё несколько АКМов.

Перестрелка окончательно вернула в суровую действительность войны. Осознание этого, грубо нахлынув, повергло в тоску и отозвалось саднящей болью в груди. Чтобы развеять это, сродни шоковому, состояние, я заставил себя подняться с колченогого стула, открыл дверцу печки и подбросил в топку на рдеющие угли новые поленья. Пошаяв густым дымом, они шумно вспыхнули жадным пламенем.

Его бойкие языкастые всполохи напомнили ночные таёжные костры в сезон охоты, когда вот так же жизнелюбовиво пляшет пламя по сухим веткам, потрескивая и с тонким свистом вгрызаясь в смолистый замшелый валежник.

Недаром говорят, что созерцание открытого огня чудодейственным образом очищает, просветляет душу. Тяжёлое чувство и вправду постепенно отлегло от сердца, даже наоборот – неувовимо переродилось в тихую радость.

Я неожиданно понял, что наперекор всему доволен сегодняшним вечером и по-своему счастлив. Мне удалось на целых два часа обмануть войну. Пускай не наяву, а памятью сердца, силой воображения, но я устроил себе настоящий праздник: короткую побывку в родном крае. И ничто другое не способно тягаться с этой наградой.

Понимание этого подействовало, как стакан спирта. Тело приятно расслабилось, и я почувствовал, что хочу спать. Раздевшись, забрался по простой, но крепко сколоченной ле-

сенке на свои верхние нары. Ни холодная жёсткая постель, ни безнадёжно отсыревшая от промозглого климата Чечни подушка, ни продолжающаяся перестрелка не могли сейчас нарушить моё умиротворённое состояние.

Я коротко помолился и быстро задремал с единственным желанием, чтобы мне приснилась РОДИНА.

Март 2001 года.

г. Ханты-Мансийск.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Под чужими звёздами Кавказа. Цикл стихотворений	
В Чечню	4
«Грозный в зареве пожарищ...»	6
«В Грозном полдень. Передышка...»	7
«Деревья в Грозном скорбно молчаливы...»	9
«Дворовый пёс – такой же ветеран...»	11
«Мама, здравствуй, ты писем от сына...»	12
«Минувшей ночью снова был обстрел...»	14
«Кровоточит над Грозным рассвет...»	15
«До Сургута литературным составом...»	16
«На чужбине только две отряды...»	18
«По развалинам месяц щербатый скребётся...»	20
«Стальное горло автомата...»	22
«Он был бойцом шестого дота...»	24
«Бой окончен. Глотни тишины...»	25
«Я по тебе соскучился, как птица...»	26
«До глины содрана войной...»	27
«Созвездий свет в дыму зачах...»	28
«Глоткой лужёной...»	30
«В рваные дырки...»	31
«Гудит перестрелки ночной тетива...»	32
«Деревянная старушка...»	34
«Под чужими звёздами Кавказа...»	35
«На правом бицепсе армейская наколка...»	36
«Немало лет прошло... Забуду ли? – Едва ли...»	37
Память сердца. Автобиографическое эссе	39

Литературно-художественное издание

ЧЕРКАШИН
Павел Рудольфович

ГРОЗНЫЙ-2000

В авторской редакции

Оператор набора П. Р. Черкашин
Фотограф П. Р. Черкашин

Подписано в печать 07.06.2014 г.

Издательство «Лулу»
США, Северная Каролина, г. Роли

184-00

005782015

Государственная библиотека Югры

5 800104 015505